Сергей
Сакадынский

Демагоги, пастухи и герои

0+

Сергей Сакадынский

Демагоги, пастухи и герои

«Автор»

2016

Сакадынский С.

Демагоги, пастухи и герои / С. Сакадынский — «Автор», 2016

"Демагоги, пастухи и герои" - книга о зарождении и генезисе элит в человеческом обществе. Автор излагает свой взгляд на природу социального неравенства в исторической ретроспективе. В книге поэтапно рассмотрены основные вехи трансформации общества - от первобытной демократии до современного общества со сложной социальной иерархией. В книге развиты и переработаны тезисы, изложенные автором в предыдущих публикациях. Данная работа предназначена, в первую очередь, для тех, кто интересуется социологией, философией истории, культурологией и политикой.

© Сакадынский С., 2016
© Автор, 2016

Содержание

ОТ АВТОРА 6
Предисловие. ИЛЛЮЗИЯ РАВЕНСТВА 7
Часть I. Истоки 15
1. Социальная структура в доисторическую эпоху 15
2. Заклинатели духов, изгои и воины-звери 23
Путь Змеи, или В начале было Слово 23
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Сергей Сакадынский
Демагоги, пастухи и герои

В отзвуке колоколов,
оглашавших пределы Гиона,
Бренность деяний земных
обрела непреложность закона.
Разом поблекла листва
на деревьях сяра в час успенья -
Неотвратимо грядёт
увяданье, сменяя цветенье.

Так же недолог был век
закосневших во зле и гордыне -
Снам быстротечных ночей
уподобились многие ныне.
Сколько могучих владык,
беспощадных, не ведавших страха,
Ныне ушло без следа -
горстка ветром влекомого праха.

«Повесть о доме Тайра» («Хэйкэ-моногатари»)

Эта книга была написана в 2009-2010 годах. В ней я развил и продолжил мысли и темы, затронутые мной в предыдущих моих публикациях, в частности, в книге «Как размножаются фюреры» (1999 год). Со временем тезисы, изложенные в этой книге, были мною подвергнуты ревизии, в связи с чем текст был отредактирован, изменены и дополнены некоторые разделы.

"Демагоги, пастухи и герои" – книга о зарождении и генезисе элит в человеческом обществе. Автор излагает свой взгляд на природу социального неравенства в исторической ретроспективе. В книге поэтапно рассмотрены основные вехи трансформации общества – от первобытной демократии до современного общества со сложной социальной иерархией.

В книге развиты и переработаны тезисы, изложенные автором в предыдущих публикациях.

Данная работа предназначена, в первую очередь, для тех, кто интересуется социологией, философией истории, культурологией и политикой.

ОТ АВТОРА

Эта книга о духе. Во всяком случае, гораздо более о духе, чем о материи. И тем более это не рассказ о конкретных людях и событиях – это размышления о людях вообще, о социальном неравенстве, свободе и несвободе, справедливости и несправедливости, о силе права и праве сильного, в общем, о том, что движет человечеством изнутри, направляя его по пути Истории.

Прежде чем приступить к чтению, читателю следует принять к сведению, что данная работа не претендует никоим образом на строгую научность. Когда автор писал эту книгу, он не ставил целью последовательно изложить и прокомментировать какие-то исторические факты и события или написать историю какой-либо отдельно взятой страны, народа или социальной группы. События и люди здесь – не более чем иллюстрации, предназначение которых – сделать изложение более наглядным и содержательным. Основная цель этой работы – систематизировать и упорядочить тот материал, который был собран и обработан автором, концептуально изложить свой собственный взгляд на вопросы социального генезиса в исторической ретроспективе. Возможно некоторые разделы покажутся читателю перегруженными информацией в силу того, что автор попытался в максимально сжатом объёме изложить весь тот огромный материал, который имеет непосредственное отношение к затронутым в книге проблемам. Как следствие концентрация мыслей на единицу площади очень высока и может вызвать некоторые затруднения при прочтении ряда разделов, хотя мы и попытались максимально облегчить эту задачу пояснениями и комментариями. Именно поэтому эта книга предназначена всё-таки для подготовленного читателя, знакомого хотя бы в общем с затронутой здесь проблематикой.

Написание этой книги также не имело целью навязать кому-либо излагаемые здесь мысли в качестве бесспорной аксиомы. Более того – мы не претендуем на знание абсолютной истины в силу неоднозначности ряда суждений, предлагаемых здесь вашему вниманию. Автор лишь излагает свою точку зрения, а принять или не принять её зависит исключительно от читателя.

Предисловие. ИЛЛЮЗИЯ РАВЕНСТВА

Мы, сильные духом, должны терпимо относиться к слабостям тех, кто не силен, а не себе угождать

К Римлянам 15:1

Мир боится перемен. И в то же время с тайной надеждой и страхом ждёт их, вслушиваясь и всматриваясь в чёрную бездну неизвестности, пугающую и манящую, – словно кролик, глядящий в неподвижные глаза удава. Боясь заглянуть за горизонт сегодняшнего дня, он неуклонно приближается к нему и, охваченный паникой, всеми силами пытается оттянуть свой неизбежный конец.

Перемены несут в себе зерно неизбежной гибели. Поэтому страх нарушить равновесие, разорвать привычный и знакомый круг бытия воспринимается профанным сознанием как смертельная угроза. Однако бессознательное стремление к неизвестному, непостижимая жажда новых впечатлений влечёт воспалённый разум к краю пропасти, толкая на безрассудные поступки…

Община, варящаяся в собственном соку, точное повторение дня вчерашнего в дне сегодняшнем, неизменная стабильность, зиждущаяся на неприятии любых нововведений, меняющих привычный уклад – вот сущность циклического бытия животного стада. Мир в себе, закрытый от влияний царящего за его пределами хаоса – идеальная модель мироздания, ставшая формой существования примитивных обществ. Но в этом лишённом потрясений мире нет впечатлений, нет собственно того, что называется историей, ибо история – это в значительной степени беспорядок, хаос, фантастическая смесь людей и событий. Кроме того, – это ещё и движение, не всегда упорядоченное, часто стихийное, часто даже не имеющее определённой цели. Нет событий, нет движения – нет истории.

Человек всегда понимал событие как нечто, нарушающее привычный ход вещей. Отсюда большое количество «пустых» лет в трудах древних авторов – если спокойствие не было нарушено, значит, ничего и не произошло, и описывать, собственно говоря, нечего. И именно потому история первобытных обществ в учебниках и монографиях изложена скучно и неинтересно – кроме описания материальной культуры и антропологических изысканий там нет более ничего. Даже название для этого периода есть соответствующее – доисторический.

Община – основная единица человеческого общества во все времена – будь то средневековая сельская община или население современного мегаполиса.

Большинству людей нет никакого дела до векторного движения в никуда. Их вполне устраивает стабильная повторяемость. Призвание общины – охранять их интересы, их же задача – оградить общину от потрясений извне. Но человеческое бытие может иметь две формы – оно может быть активным или пассивным, циклически-загнивающим или векторно-пассионарным. С одной стороны – стремление к гармонии, а с другой – вечная борьба с собой и с окружающим миром. В серой массе человекообразных время от времени возникают отдельные личности, страдающие от постоянной неудовлетворённости сегодняшним днём и жаждущие этот день изменить, поломав при этом привычный цикл бытия. Спокойствие создает порядок в мире, в то время, как главным способом заявить о себе, выделиться из толпы одинаковых человечков является эпатаж, вызов, подрыв устоев со всеми вытекающими отсюда последствиями. Толпа – безликая биомасса – не способна ни на что, кроме сытого, монотонного прозябания. Вершить историю – удел немногих избранных. Не случайно история человечества, в большей степени, это лишь описание деяний великих людей.

Таким образом, тезис о том, что историю творит абстрактная и безликая сущность, именуемая народ, теряет всякий смысл. Любое движение вперёд порождается не слепой энергией

масс – в истоках его стоит человек или группа людей, одержимых жаждой деятельности, нацеленных на достижение каких-то целей, смысл которых понятен только для них.

Однако никакое движение невозможно, если за меньшинством не следует большинство. Здесь мы процитируем А. Тойнби, весьма точно излагающего суть данного вопроса: «Развитие – результат деятельности творческих индивидуальностей и творческих меньшинств; но они не могут двигаться вперёд, если не смогут вовлечь в своё движение своих менее одарённых соотечественников; а «нетворческий» слой «рядовых» человечества, которые всегда образуют большинство, невозможно во всей его массе поднять до уровня лидеров за короткое время. Осуществить это на практике – невозможно… Задача лидера – сделать соотечественников своими сторонниками; а единственный способ, которым можно направить человеческие массы к непостижимой для их понимания цели, – это пробудить в них примитивную и универсальную способность к бездумному подражанию – мимезису. Мимезис – это, в конце концов, разновидность социальной муштры; ведь примитивное ухо, глухое к неземной музыке Орфеевой лиры, очень чувствительно воспринимает командные окрики сержанта на учебном плацу. Когда гениальный музыкант прекращает играть на волшебной флейте и гаркает властным голосом Фридриха-Вильгельма, человеческая масса, которая до этого стояла неподвижно, машинально начинает двигаться…»[1]

Управление массами подразумевает навязывание своих убеждений, своей воли безликому большинству персонифицированным меньшинством. Это своего рода социальная магия – непременный атрибут вождя, лидера, стремящегося встать во главе человеческой массы. Итак, в дальнейшем мы будем говорить о людях, в значительной степени одержимых, неудовлетворённых существующим положением вещей, ищущих действия, хотя бы это действие даже привело их к гибели. Мы будем говорить о творческом меньшинстве, если угодно, элите[2] – ярких индивидуальностях, проходящих путь от комплекса неполноценности к бесконтрольной мании величия. О тех, кому суждено встать во главе общества, привести его к расцвету, а затем низвергнуть в состояние упадка.

Иллюзии демократии. Современная демократия породила массу недоразумений, возведённых в ранг аксиом. Поскольку данное исследование напрямую связано с проблемой неравенства в человеческом обществе, мы посчитали нужным остановиться на некоторых из них, по нашему мнению, наиболее глубоких.

Власть принадлежит народу. Что бы ни говорилось по этому поводу, народовластие в глобальном смысле – не более чем фикция. Собственно, эта самая «власть народа» в современном демократическом обществе проявляется лишь в возможности раз в несколько лет отдать свой голос за «достойнейшего».

Вспомним о древнегреческой аристократической демократии. Там, по крайней мере, вещи назывались своими именами – были граждане, имевшие право голоса, и все прочие, которым участвовать в политической жизни не полагалось. Современная демократия декларирует равноправное участие всех в общественно-политической жизни государства, однако же, как и в древних Афинах, на самом деле это право немногих избранных, остальные же могут только изображать политическую активность, подобно обезьянам, подражая действиям элиты.

Свобода выбора. На самом деле за всех всё давно решили. Свободы выбора как таковой попросту не существует. Во-первых, выбор большинства предопределён социальными факторами – осуществляется, так сказать, под давлением извне. За большинство решает меньшинство. Остальная же часть, относительно менее зависимая, делает выбор, ориентируясь на мнение авторитетов.

---

[1] См. А. Дж. Тойнби. «Изучение истории»

[2] Автору кажется, что употребление этого термина не слишком уместно, и определение «творческое меньшинство» гораздо правильнее отображает суть данного понятия, но в современной социологии термин «элита» приобрёл широкое распространение, поэтому мы не можем его игнорировать

Вообще любая демократическая система в этом смысле напоминает карусель – движение по кругу лошадок с сидящими на них довольными малышами. Движение, которое никуда не ведёт, и управлять которым его участники всё равно не могут. Ещё бывает карусель, в которой вместо лошадок закреплены автомобильчики, имеющие рули (иногда даже по два в каждом!), вращение которых абсолютно свободно и тоже ни на что не влияет. Тем не менее, малыши вполне счастливы, вращая эти рули.

Равноправие. Самым глубоким заблуждением является то, что люди от рождения абсолютно равны между собой. Отнюдь! Всеобщего равенства нет и быть не может! Люди не равны с самого момента своего появления на свет – физически, интеллектуально, в смысле материального достатка и социального положения. Изначально каждый новый член общества уже с пелёнок имеет чего-то больше или меньше, чем его ровесники. Формально демократия даёт равные стартовые возможности для каждого – дворник дядя Вася может при определённых обстоятельствах стать президентом, однако на практике это вряд ли осуществимо. Что касается прав – политических и прав человека вообще – то у каждого их ровно столько, сколько он сумел себе урвать. Ни больше, ни меньше.

Личная независимость. Все люди, так или иначе, зависимы – в том числе, и в первую очередь, от других людей. Кто-то диктует условия, а кто-то их принимает. Свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого, и залезть в чей-то суверенный огород разрешается только при наличии достаточно весомых аргументов.

Верховенство права. Прав, как известно, тот, у кого больше прав. Если кто-то может, в силу наличия веских аргументов, диктовать свою волю, попирая писаные законы, он это делает, остальные же покорно сносят правовой беспредел.

В современном обществе есть такое понятие как «борьба за права человека». Само по себе его наличие указывает на то, что эти самые права никому не даются просто так. За них надо бороться. Возникает закономерный вопрос – с кем?

Итак, в современном правовом и демократическом государстве, как и многие столетия назад, лицо общества определяют не безликие массы, а немногочисленные доминирующие группы или, более того, – конкретные люди, имеющие больше прав и возможностей, чем среднестатистический обыватель. То есть, в обществе существует социальное неравенство, как бы оно ни маскировалось мнимой эгалитаризацией. В обществе существует особая – избранная – группа людей, которых в современной политологии принято называть элитой.

Однако надо отметить тот факт, что в условиях современного способа формирования власти победа на выборах ещё не означает избранности, и освободиться от усиленно внушаемой иллюзии, что само пребывание кого-то у власти накладывает на него несмываемую печать элитарности. Вообще однозначно следует разделять понятия элита и власть в силу некорректности постановки вопроса об их идентичности.

Определение терминов. Термин «элита», употреблённый нами выше, получил широкое распространение в современной социологии в связи с изучением проблемы общественного неравенства в условиях выделения из общей массы отличных от других, занимающих особое место в социальной иерархии людей. Само слово «элита» происходит от французского elite – лучшее, отборное, и в социологии и политологии означает высший слой (или слои) социальной структуры общества, осуществляющий важные общественные, политические и культурные функции. В этом смысле элита является синонимом инициативного творческого меньшинства, и мы будем употреблять это слово именно в таком значении. Определений элитарности множество – от банальных до совершенно абсурдных. Нас же, в первую очередь, интересует вопрос: чем же элита отличается от не-элиты, в чём собственно суть её избранности.

Итак, мы можем выделить три положения, отличающих элиту от остальной части общества независимо от исторического времени, места и конкретной ситуации:

1. Привилегированное положение. Это то, что, прежде всего, бросается в глаза при рассмотрении элиты как социального явления.

2. Обособленность. Элита представляет собой относительно замкнутую, изолированную от остальной части общества группу (касту), попасть в которую достаточно сложно.

3. Материальная независимость. Элита не производит ничего материального – она вообще не занимается производственным трудом. Её деятельность лежит совершенно в иной плоскости; что касается средств существования, то живёт она исключительно за счёт «неэлитарной» части общества.

Таким образом, на данном этапе мы определим элиту как социальное меньшинство, свободное от производственного труда и занимающее особое место в обществе благодаря личным качествам и способностям.

Это утверждение, однако, не даёт нам полного представления о феномене элиты как таковом, а лишь намечает общую направленность нашего исследования. Кроме того, из вышесказанного мы можем вынести несколько предварительных заключений.

Первое. Лицо общества, его уровень развития и прочие столь же важные вещи определяет его элита.

Второе. Элита, по своей сути, является главным узурпатором тех самых прав и свобод, за которые борются поборники демократии.

Следует полагать, что на любом историческом этапе развития человеческого общества, в силу его внутренней психологической неоднородности, неизбежность возникновения обособленных групп и личностей, в основном, не вызывает сомнения. Сомнения и споры обычно возникают вокруг степени элитарности, необходимости или полезности существования какой-либо конкретной правящей группы, в каком-то конкретном случае. И, во многом из-за того, что в понятия, связанные с элитарностью, часто вкладываются самые различные представления. Поэтому нам по мере, необходимости придётся неоднократно уточнять смысл этих понятий.

Философия избранности. Многие мыслители, такие знаменитые, как Х. Ортега-и-Гасет, В. Парето, Г. Моска, а также другие, более многочисленные и менее известные, высказывали самые разные мнения по поводу основных аспектов элитарности: от абсолютизации роли элиты в общественном развитии вплоть до обоснования преимуществ «безэлитного» устройства общества. Очевидно, что попытка сформулировать ниже какое-то новое абсолютно оригинальное суждение в этой области, скорее всего, была бы малоуспешна. Но, представляется, что, рассмотрев наиболее интересные из существующих мнений, было бы весьма полезным сформировать обобщённый, реалистичный взгляд на вопросы, связанные с элитарностью и трансформацией властвующих групп.

Прежде чем приступить к подробному анализу феномена элитарности, следует выделить такую особенность элиты как непохожесть на остальную часть общества, её необычность, даже, следует сказать, маргинальность[3]. Необычность или иными словами одержимость творческих индивидуальностей обретает различные формы.

Однако, на наш взгляд, есть лишь два, антагонистичные по своей сути, пути самоутверждения в мире. Первый путь – путь Силы, Путь Меча, в основе которого лежит грубое физическое превосходство, жажда подвигов, замешанная на нежелании мириться с существующим положением вещей. Второй – путь Слова, Путь Змеи, магия убеждения, интеллектуальное превосходство над непросвещёнными умами. Первому свойственны прямота, доблесть и благо-

[3] Маргиналы – в данном случае – индивидуумы, находящиеся как бы на краю социума (от margina – край, поле, граница) или даже за его пределами, игнорирующие общепринятые нормы и правила и всей своей жизненной позицией олицетворяющие протест, неприятие существующих законов общества.

родство, как следствие – Слава, и, – как следствие Славы, – гордыня. Второму присущи знание и ум, расчётливость, зиждущаяся на хитрости и обмане, и, – как следствие – подлость и коварство. Отсюда и разделение элит на два противоположных типа, идущих по двум совершенно непохожим, но, в сущности, параллельным путям: элиту героев и элиту колдунов, элиту воинов и элиту демагогов.

Иными словами, если говорить простым и общедоступным языком, можно либо путём словесных доводов убедить собеседника в том, что чёрное на самом деле является белым, либо же так ударить его по голове так, что он вообще перестанет различать какие бы то ни было цвета.

Двуединство творческого меньшинства неразрывно связано с взаимодополняемостью. Два взаимоисключающих начала могут достигнуть цели, лишь объединив свои усилия. Это вполне чётко обозначено в мифах о создании мира двумя противоположными силами, нередко – братьями-близнецами. Собственно, сама концепция о вечной борьбе добра и зла, бога и дьявола, светлых и тёмных сил, неизбежно сосуществующих во вселенной, есть отражение деятельности двух творческих начал. Потребность друг в друге этих двух стихий очевидна как раз в силу их противоположности. Воин – это герой-победитель с обнажённым мечом в руке, символизирующий собой действие, активно изменяющий своими деяниями окружающий мир; демагог – колдун, корпеющий над древними фолиантами, коленопреклонённый жрец у алтаря, извечный фаталист, пленник предопределения, теоретик, указующий пути, но сам не следующий по ним. Олицетворение первого – король Артур, воин и государь, классический образ рыцаря, живое воплощение Силы; второго – его тень, двойник и бессменный советчик великий маг и чародей Мерлин, олицетворение всесильного знания. Первый – материальное воплощение доблести, своими руками творящий историю; второй – более дух, чем человек, слово и мысль, указующие дорогу силе. Таковы два творческих начала, две ипостаси земного могущества, вершащие судьбы мира. Остальные же – неопределившаяся часть общества, не стремящаяся к переменам и способная лишь на подражание лидерам, – обречены на однообразный повседневный труд, направленный, по большей части, на достижение далёких и совершенно непонятных целей творческого меньшинства.

Собственно говоря, подобное деление людей имело место в разные времена и у разных народов ещё в глубокой древности. Индийские касты, внутренняя иерархия греческого полиса – всё это исторические примеры, не требующие дополнительной расшифровки терминов. Наиболее древний, единый для всех индоевропейцев архетип – представление о сакрально-военно-экономическом устройстве общества – с завидным постоянством воспроизводится в мифологии индоариев («брахманы», «кшатрии», «вайшьи»); античной философии («философы», «воины», «производители» Платона) и т.д. Подтверждая преимущественно бессознательную трансляцию архетипа, авторы многочисленных триад обычно не подозревают о первоисточнике своих представлений.

«Природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных. Третьи – большое число, а первые и вторые – элита». Преобладание людей «мышечных» и «духовных» над «посредственными» отразилось в составе православных святых. Владимир Соловьев подметил, что невозможно найти между святыми «купца, или дьяка, или приказного, или мещанина, или крестьянина – одним словом, какой бы то ни было профессии, кроме монахов и военных».

В эпоху средневековья окончательно формируется и приобретает особую популярность идея о разделении общества на три социальных слоя: “молящихся” (oratores), “воюющих” (bellatores) и “трудящихся” (laboratores). В этой классической форме, собственно, и зафиксирована идея неравенства, являющаяся определяющим вектором развития человеческого общества.

Вызывающий аристократизм Ницше мешает осознанию возвещенной им же истины – историю творят «колдуны» и «воины». «Работники» – всего лишь объект, вечный «навоз истории». История как «живое творчество масс» – льстивая утопия колдунов– лицемеров. Таким образом, власть имеет двойную природу – СВЕТскую (власть силы) и духовную (сакральную).

Нерушимость этого двуединства сказалась на результате средневековой борьбы пап с императорами. Ж. Ле Гофф пишет об этой борьбе следующее: «…Отношения глав христианского мира демонстрировали соперничество на самой вершине двух господствующих, но конкурирующих между собой церковной и светской иерархий, священников и воинов, шаманической власти и военной силы. Став христианами, варварские короли пытались вернуть себе ту власть царя-жреца, которой обладали франкские языческие вожди – “reges criniti”, косматые цари коротковолосого народа, в чьих длинных волосах таилась чудодейственная власть царей, подобных Самсону. Со стороны папы подобные попытки присвоения императорских функций особенно ощутимы с VIII в., с создания подложного "Константинова дара”. «Ничейный» исход этой борьбы – папа сумел помешать императору и королю присвоить себе священнические функции, но ему не удалось захватить светскую власть – был в пользу священства. Распределение «мест слагаемых» в средневековой триаде «oratores», «bellatores», «laboratores» «делает воинов защитниками церкви и религии, подчиняя их тем самым священникам». Шаманическая власть, правда в сильно очищенном виде, поглотила воинскую доблесть.»[4]

Первоначальная иерархия трех функций восстанавливается по их расположению на «мировом древе». Крона отводится «колдунам», ствол – «воинам», корни – «работникам. Приниженное положение последних объясняется их подчинением власти «колдунов» и «воинов». «Колдуны» управляют мыслями, «воины» – действиями. В предельных абстракциях «слова» и «дела» – сущностные отличия сакральной (духовной) власти «колдунов» и светской власти «воинов».

Теперь обратимся к вопросу о том, когда же и на каком этапе развития человеческого общества появляются люди, выделяющиеся из общей массы и обособленные от всех остальных.

Все известные нам исследователи рассматривают феномен элитарности, избранности как нечто уже существующее, описывают его, лишь констатируя факты и мало касаясь истоков. По крайней мере, кроме Ф. Энгельса никто не попытался более-менее вразумительно попытаться объяснить возникновение иерархического (мы принципиально не будем употреблять здесь термин «классовое», о чём речь пойдёт ниже) общества. Во времена Маркса и Энгельса уже было обычным деление истории на древнюю, средневековую и новую, что соответствовало представлениям о рабовладельческом, феодальном и капиталистическом строе. Позже, когда в 1877 году Л. Г. Морган издал книгу «Древнее общество», Маркс и Энгельс добавили к этой классификации первобытнообщинный строй. Анализируя распад первобытной общины, Морган, а вслед за ним Энгельс, пытались научно обосновать расслоение общества исходя из того этнографического материала, который был собран в среде полудиких племён.

Вполне очевидно, что писаная история застаёт человеческое общество уже поделённым на иерархические группы. Это разделение происходит гораздо раньше.

Примитивное лидерство имеет место быть и в животном стаде, однако чётко структурированное иерархическое общество свойственно именно человеку. Люди стали людьми только тогда, когда создали область абстрактных понятий – религию, искусство, науку… Именно с абстрактным мышлением связано выделение человека из мира животных. И именно на этой грани возникает социальное неравенство, основанное, по нашему мнению, не на материальных причинах, а более связанное с представлением, сложившимся в умах большинства, о «лучшести» или «избранности» отдельных членов общины.

[4] Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада

Феномен избранности более духовный, чем материальный, поэтому объяснить его с точки зрения экономических и прочих приземлённых причин не представляется возможным. Скорее наоборот, экономическое и социальное неравенство может быть объяснено через постижение неравенства по духу. В основе избранности лежат, прежде всего, иррационализм и маргинальность. Она всегда стоит за порогом профанных норм, за гранью закона. Примечательно, что именно вне законодательного поля в любом обществе находятся как преступники, так и правители. «Кто нарушил табу, сам становится табу», – писал Зигмунд Фрейд. Элита, нарушая все писаные и неписаные законы «нормального» общества, оказывается в положении изгоя, маргинала, преступника, вступает на путь противодействия существующему порядку. Однако, разрушая старый порядок, творческие меньшинства одновременно становятся создателями порядка нового, проходя путь от преступников до законодателей. Таковы все творцы истории – революционеры и пророки, а также герои мифов, в которых часто «новое поколение богов» отбирает власть у своих предшественников.

Трудно сказать, благостна ли избранность для самих избранных, и тем более благостна ли она для остальной части общества. С одной стороны, провоцируя перемены, она нарушает равновесие, создаёт нестабильность, что чревато негативными последствиями; в более узком смысле избранность санкционирует социальное зло, порождая неравенство, отношения зависимости и прочие минусы иерархического общества. С другой стороны, застой создаёт иные, не менее реальные угрозы, – в первую очередь, накопление нереализованной творческой энергии, которая выплёскивается в виде различных проявлений внутренней деструкции, порождая разного рода социальные болезни; алкоголизм, психические расстройства, высокий уровень преступности – непременные атрибуты всякого стабильного циклического общества.

Кроме того, у всякого общества, как и у мира в целом, очевидно, есть иррациональная потребность изменяться. Таким образом, элита как творческое меньшинство, во-первых, поощряет социальный прогресс, выступая в качестве духовного проводника, а, во-вторых, указует обществу пути выплёскивания деструктивной потенции, оберегая циклические ценности своей векторной мощью.

Рассуждения о благостности избранности, в принципе, беспредметны по своей сути, потому что творчество – это, прежде всего, действие ради действия, не преследующее никакой иной цели, кроме немотивированного с точки зрения здравого смысла желания изменить, хотя бы в незначительной степени, статичный мир повседневного бытия. Любая творческая личность неизбежно эгоистична – вследствие абсолютной самодостаточности, выливающейся в бесконечное самолюбование, которое не имеет ничего общего с профанным нарциссизмом, а есть всего лишь осознание собственной уникальности и духовного превосходства над толпой себе подобных. Так, как бы парадоксально это не казалось, настоящему актёру не нужен зритель, настоящему поэту не нужен читатель, ибо каждый из них совмещает в себе и то и другое. Высокая степень самодостаточности, отрицающая ценность чего бы то ни было иного, есть высшая степень одиночества, знаменующая собой вершину самосовершенствования духа.

Одиночество всегда осуждалось профанным большинством (ср. народное: «Один в поле не воин», «Дурному не скучно и самому» и т.д.), профанное сознание всегда подчеркивало значимость количественности («Одна голова – хорошо, а две – лучше»), что со всей полнотой отразилось в идеале современной демократии. Отсюда непонимание и взаимная неприязнь, неизменно возникающие между массами и лидерами, бунт и низвержение во тьму вечную. Собственно говоря, мысль о том, что творческий дар скорее проклятие и наказание, чем благо, не лишена здравого смысла.

Избранные обречены на страдания от вечной неудовлетворённости, им никогда не достичь гармонии с окружающим миром, их удел – одиночество, проистекающее из непонимания профанным большинством их иррациональных порывов, разочарование от окружающей действительности и расплата за деяния, неизбежная и жестокая.

Как мы уже говорили, феномен избранности более духовный, чем профанно-практический, и сила духа – непременный его атрибут. Сила духа – прежде всего, способность подавлять других, та самая неуёмная «воля к власти», о которой писал Ф. Ницше, проистекающая не от патологической внутренней злобы, а от жажды блага, в первую очередь, для себя. В этом, собственно, наиболее полно проявляется гипертрофированный эгоцентризм творческих индивидуальностей, о чём было сказано выше.

Такова в общих чертах философия избранности.

В своих попытках познать непознаваемое человек ни на шаг не продвинулся вперёд со времён каменного века. Причина тому – потуги понять нечто, находящееся за пределами профанного знания. Профанная наука способна изучить и объяснить только то, что находится в области материального мира, постичь же бессознательное невозможно – его можно только описать, но не более того. Сфера духа, а, значит, и сфера затронутого нами вопроса, относится больше к бессознательному, чем к профанно-практическому, поэтому мы не будем повторять ошибки прочих исследователей, которые в попытках объять необъятное потерпели неизбежное поражение. Мы будем двигаться другим путём.

Часть I. Истоки

1. Социальная структура в доисторическую эпоху

Рай. Легенда о пребывании в саду Эдемском не выдумка псевдоучёных маразматиков – человек как вид действительно возник в тепличных условиях, о чём свидетельствует даже поверхностный взгляд на имеющиеся факты. Существо, лишённое когтей и клыков, физически слабое по сравнению с другими животными, биологически ущербное во многих отношениях – как, по– вашему, могло оно выжить в условиях глобального оледенения, окружённое хищниками, в широтах, где добыть пропитание неимоверно сложно!?

Всё это указывает на то, что прародиной человечества был земной рай – географически изолированное место с ровным, тёплым климатом, обилием пищи и отсутствием естественных врагов. Биологически человек возник как ошибка природы, тупая ветвь эволюции, и по всем признакам должен был сгинуть без следа, так и не развившись.

Многие нам возразят, опираясь на якобы научные факты. Они скажут: эволюция сделала человека таким, каков он есть; борьба за выживание, в которой он смог победить, поставила его над животным царством, даровала разум вместо силы, одежду вместо меха, оружие вместо рогов и когтей. Однако всё это лишь предположения, не подтверждённые ничем, кроме веского слова их авторов.

Теория Дарвина – новая религия Нового Времени, именно религия, ибо более опирается на веру, чем на научные доказательства и факты; она содержит две догмы, являющиеся, по сути, самым главным заблуждением в вопросе генезиса человеческого вида. Если следовать дарвиновскому вероучению, человек развился из обезьяны путём естественного отбора в дикой природе; Ф. Энгельс, развивая эту мысль далее, дополнил это заблуждение второй догмой, гласящей, что труд сделал из обезьяны человека. При всём уважении к авторам этой концепции, мы не можем принять её a priori, как есть. В теоретических выкладках основоположников «единственно верного учения» доминирующим является утверждение, что якобы труд сотворил из обезьяны человека, а именно: способствовал возникновению мышления, языка и тому подобных атрибутов разумного существа. На наш взгляд, труд, скорее, способен сделать обратное. Едва ли монотонная физическая работа может способствовать развитию интеллекта – по большей части, она наоборот тормозит умственное развитие, поскольку направлена исключительно на одну цель – выживание.

Средневековые книжники полагали, что «голод – одна из кар за первородный грех. Человек был сотворен, чтобы жить, не трудясь, пожелай он это. Но после грехопадения он мог искупить свой грех только трудом… Бог, стало быть, внушил ему чувство голода, дабы он трудился под принуждением этой необходимости и вновь обратился таким путем к вещам вечным».

Здесь также уместно будет заметить, что принудительный физический труд всегда использовался для подавления инакомыслия. Все социальные катаклизмы возникали в среде творческой элиты, у которой было время для того, чтобы думать – не народ делает революции, революции рождаются в умах не занятых физическим трудом интеллектуалов. Потому-то тоталитарные режимы заботятся об искоренении безработицы, недовольных отправляют на каторгу, а обязательный всеобщий труд преподносится как универсальное благо. Чем больше люди заняты, чем меньше у них времени на праздные размышления, тем меньше социальная напряжённость, тем меньше вероятность нарушения внутреннего спокойствия в обществе.

Однако здесь мы уходим в сторону от основной темы этой главы, а потому самое время к ней вернуться.

Мир жесток. В дикой природе выживает тот, кто сильнее и хитрее; тот, кто успеет первым схватить добычу и избежать когтей хищника; тот, кто среди особей своего вида не пополнит ряды аутсайдеров, обречённых на быструю гибель. Человек показал, что всё может быть, как раз наоборот.

Оставим в стороне проблемы эволюции – в данном случае нас мало интересуют биологические аспекты происхождения человеческого вида. Для нас важно, что в тот момент, когда homo sapiens был впервые описан наукой, его физический облик ничем не отличался от нынешнего. Примитивные племена островов Тихого Океана, благополучно пребывающие ментально и технологически в каменном веке, биологически ничем не отличаются от своих цивилизованных собратьев, разгуливающих по улицам Нью-Йорка и Санкт– Петербурга. Гориллоподобные гиганты и карлики – по большей части, лишь плод больной фантазии, в лучшем случае, вымершие ветви семейства гоминидов, или, как сказали бы церковники, «неудачные эксперименты Господа Бога». К числу этих самых «неудачных экспериментов» можно отнести лишь те немногочисленные ископаемые, на основе которых учёные– эволюционисты пытаются выстроить ряд обезьяна – человек разумный; живых примеров тому наука не имеет[5].

Не вдаваясь в хронологию, можем заключить, что какое-то время назад в климатически благоприятной местности (см. выше) появилось существо, в дальнейшем именуемое человек. Было ли его появление результатом деградации неких гориллообразных приматов или боги спустились с небес, принеся с собой семена новой жизни, мы обсуждать не будем – пусть этим занимаются эволюционисты-антропологи и писатели-фантасты. Можем лишь предположить, что в этом земном раю первочеловек пребывал весьма долго и успел достаточно размножиться, ибо с наступлением иных, гораздо более суровых условий существования малочисленная группа физически неполноценных существ едва ли смогла бы выжить.

Впрочем, неконтролируемое размножение в условиях отсутствия внешних ограничений – явление в природе известное и многократно описанное.

Дни, однообразные и потому не отличимые друг от друга, проходят в бесконечном поглощении пищи, запасы которой не истощаются, и отупляющем бездействии, от которого отвлекают только позывы к размножению и удовлетворению иных природных потребностей. Жизнь движется по кругу, бесконечно повторяясь. Таков был рай земной.

Широко известен средневековый тезис о первоначальном равенстве, распространённый в среде простонародья – «когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?». То есть, проще говоря, первобытное равенство имело место быть – это доказывают разнообразные этнографические исследования. Большинство первобытных племён достаточно успешно боролось, в частности, например, с имущественным неравенством – именно в этом контексте полностью терпит крах теория Энгельса об экономических причинах возникновения классового общества.

Внутри первобытной общины постоянно происходит перераспределение материальных ценностей, в частности, имущества. Избыток материальных богатств, сосредоточенный в руках одного человека или группы людей был противен самому духу первобытного общества, где первоначально всё имущество было коллективным и использовалось сообща.

В более поздние времена «разбогатевший» человек, если такой даже и появлялся, должен был делиться своим имуществом с другими членами общины. На практике обычно устраива-

[5] Вообще большинство современных учёных полагают, что многообразие животного мира есть продукт спонтанных мутаций, а не последовательного развития. Все предыдущие попытки доказать обратное не имели успеха – мушки-дрозофилы, над которыми так долго и изощрённо измывались исследователи, конечно претерпели ряд внешних изменений, но они так и остались мушками-дрозофилами, новый вид при этом не появился. Точно так же ископаемые животные: в условиях суровой природы ледникового периода выживают крупные животные, покрытые густым мехом и имеющие толстый слой подкожного жира; в результате мы имеем бобра величиной с лошадь, но мы нигде не видим того, как у бобра срастаются задние конечности, превращаясь в ласты, и он становится тюленем.

лись всеобщие пиры, раздавались щедрые подарки родственникам, соседям и гостям, а также практиковалось перераспределение материальных ценностей в пользу нуждающихся.

Собственно, попытка возродить практику перераспределения материальных благ имело место в Советском Союзе; вообще, идея коммунизма в большей степени близка по духу первобытной общине, чем посткапиталистическому обществу.

Этой же природы обычай потлач, известный в среде индейских племён – первоначально имущество умершего уничтожалось после его погребения, а в более позднее время раздавалось на особом празднике. Кроме того, потлач устраивали по разным другим поводам – при получении нового имени, вступлении в брак и т. д.

Отсюда же обычай хоронить вместе с умершим его имущество. В качестве пережитков эти обычаи сохранились и в более позднее время – в эпоху военной демократии и даже ещё позже.

Социальная структура первобытной общины достаточно широко описана в трудах этнографов и историков. Первобытная коммуна – а именно таковой можно в прямом смысле считать это образование, – опиралась на относительное равенство всех членов. Естественно, определённым авторитетом, как и у всех животных, пользовались старые и мудрые особи, ценные своим жизненным опытом, а также молодые и сильные, охотники и защитники, опора человеческого стада. Все члены общины питались из общих запасов, сообща добывали пищу и все вопросы решали общим собранием. Забота о слабых также возлагалась на всех членов общины, – в первую очередь, забота о потомстве. О стариках, правда, заботились лишь до тех пор, пока они могли приносить реальную пользу.

Были в первобытном обществе, несомненно, лидеры и вожаки, однако это отнюдь не вожди эпохи военной демократии – у них не было ни власти как таковой, ни особых привилегий по сравнению с остальными членами стада.

Такое «невнимание» к материальным благам, собственно говоря, делало невозможным возвышение за счёт имущественного неравенства, да и само экономическое неравенство не могло возникнуть в силу тех же самых причин. Поэтому расслоение первобытной общины могло иметь только духовную природу.

Чтобы понять невозможность такого явления как «прогресс» для первобытного сознания, необходимо понять саму сущность мышления первобытного человека, его кардинальное отличие от современного.

На самом деле первобытное мышление невероятно консервативно и замкнуто. Что больше всего поражает современного человека, в частности, европейца, оказавшегося в среде первобытных племён, так это не само содержание представлений первобытных людей, а их крайняя устойчивость, нечувствительность к данным опыта. Очевидные факты, которые, по мнению европейца, должны были неизбежно изменить представления первобытного человека, заставить его пересмотреть какие-то убеждения, не оказывают почему-то на него никакого действия. А попытки убеждать и доказывать приводят зачастую к результатам, диаметрально противоположным тем, которые ожидались. Именно в этом, а не в вере в существование духов и мистической связи между предметами состоит наиболее глубокое отличие первобытного мышления от современного.

В конце концов, все в мире действительно взаимосвязано! Излагая закон всемирного тяготения, мы могли бы говорить, что в каждом теле сидит дух тяготения, и каждый дух стремится приблизиться к другому духу силой, пропорциональной массам двух тел и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними. Это нисколько не помешало бы нам правильно рассчитывать движение планет.

Впрочем, если мы не пользуемся словом «дух», мы пользуемся словом «сила». А что такое, в сущности, сила ньютоновского притяжения? Тот же дух: нечто невидимое, неслыши-

мое, неосязаемое, не имеющее вкуса и запаха, но, тем не менее, реально существующее и оказывающее воздействие на вещи.

Указанные особенности мышления первобытных людей обладают поразительной общностью. Можно сказать, что они общи всем без исключения первобытным народам, независимо от их расовой принадлежности и географических условий и несмотря на разнообразие конкретных форм культуры, в которых они проявляются. Это и дает основания говорить о первобытном мышлении, противопоставляя его современному мышлению[6].

В свете выше сказанного совершенно очевидно, что для качественного скачка, для перехода от первобыта к истории необходим переворот в сознании, который невозможно объяснить с точки зрения эволюции мышления и уж тем более с позиций биологической эволюции.

Изгнание из рая. Теория вызовов-ответов А. Дж. Тойнби достаточно широко известна, и мы не будем подробно на ней останавливаться. В нашем случае речь идёт об отсутствии вызова как такового. Циклическое общество не знает развития – отсутствие действия порождает застой. И выйти из этого состояния можно, лишь испытав большую встряску.

Привычный ход бытия рано или поздно бывает нарушен. Ломая статичность мироздания, откуда-то из запредельного мира обрушивается катаклизм, переворачивающий всё вверх дном. Гнев богов или слепая стихия природы – всё равно, – положили конец идиллии. Скопище бесшерстных приматов оказалось на грани гибели. Однако не погибло. Сказалась, скорее всего, социальная организация, что в условиях климатического кризиса могло оказаться решающим. Похожие вещи происходят, например, в африканской саванне, где в случае возникновения критических условий выживаемость у гиен выше, чем у прочих хищников за счет организации, хотя индивидуально (как охотники) те же львы превосходят гиен. По сути, сильные животные могут выживать в одиночку, слабые вынуждены объединяться в стаи. Очевидно, в этом причина высокой степени коллективизма человеческого стада.

Итак, вызов был получен, он требовал ответа. Как следствие – человек стал тем, чем он есть сейчас.

Отличие человека от всех остальных живых существ заключается в способности к творчеству. Творить подобно Творцу – в этом суть богоподобия человека. Суть творчества – анализ и синтез, изменение уже существующего и генерация нового. Таким образом, творчество является провокатором события, толчком, который способен запустить механизм истории.

Событийность, открывающая слишком много возможностей для перемен, несёт в себе угрозу статичному, пребывающему в состоянии вечного равновесия обществу, нарушая устойчивые законы мироздания. Потрясения рождают новый порядок.

Чтобы оградить себя от катастрофических изменений, сохранить свой внутренний мир, община устанавливает разного рода табу, регламентирующие взаимодействие профанно-практического и иррационального. Недаром многие религиозные учения и политические доктрины налагали запрет на несанкционированное творчество, объявляя его злом. Борьба с инновациями доходила до абсурда, особенно в те моменты, когда старый мир уже был не в состоянии противостоять волне перемен – достаточно вспомнить костры инквизиции, по существу, знаменовавшие собой агонию западного христианства.

В связи с этим миф об изгнании из рая может рассматриваться в двух аспектах.

Первый – как природный катаклизм, послуживший вызовом извне. В таком случае, ответом был стремительный виток развития, в результате которого человек небывало возвысился над природой, преодолел эволюцию и естественный отбор и сам стал навязывать природе свои условия, изменяя её и приспосабливая к своим потребностям.

Второй – как катаклизм внутренний, вспышка творческой энергии, требовавшей выхода. Адам, вкусивший запретный плод Знания, начал творить, уподобляясь своему Творцу, разру-

[6] См. подробно об этом: В. Ф. Турчин. Феномен науки

шив, таким образом, установленный порядок. Мятеж против Бога и мятеж против природы – и, как результат, рождение События, рождение собственно Истории.

Разделение истории человечества на дикость, варварство и цивилизацию может рассматриваться в данном контексте следующим образом. Первобытная дикость – внеисторическое время, когда циклическое Инь преобладает над векторным Янь. Варварство – вспышка истории, время сотворения нового общества, непрерывное движение, дающее возможность для совершения эпохальных деяний. Цивилизация же – возвращение к первоначальной стабильности, создание устойчивого нового мира, ограждённого от мира хаоса прочной стеной табу.

Нестабильность порождает потребность в наведении порядка. Возникает вопрос: кто должен осуществлять эту задачу? Углубляясь в данную тему, мы должны помнить об одном, весьма распространённом, заблуждении, касающемся природы элитарности.

Собственно говоря, множество узконаправленных концепций элитарности основываются на практической необходимости. Когда изменились окружающие условия и усложнилась внутренняя жизнь общины, возникает потребность некой упорядочивающей силы, могущей эффективно организовать управление социальной структурой. Возникает некий прообраз законодательно-управленческого аппарата, впоследствии трансформирующийся в обособленную структуру, находящуюся в привилегированном положении относительно всех остальных членов общины. Всё это вполне правдоподобно и не лишено здравого смысла, однако речь здесь идёт не об элитарности как таковой, а о возникновении собственно системы управления, в основе которой лежит не избранность отдельных индивидуумов, а их административные способности. В связи с этим имеет смысл сделать небольшое отступление.

Как в политике, так и в экономике успешно развивается и добивается успеха та структура, где рутинные управленческие функции выполняет особая когорта исполнителей – разного рода менеджеров и чиновников, в то время, как задача собственно лидеров – указание стратегических путей развития, генерация идей, а не решение конкретных технических задач. Основная отличительная особенность творческой личности – открытость для изменений и разного рода инноваций, стремление к масштабному действию, в то время, как функции управления системой требуют как раз иного – стабильности, упорядоченности и внутренней организации. Поэтому всякий управленческий аппарат не есть элита, это скорее инструмент творческих индивидуальностей, призванный избавить лидеров от выполнения нетворческих задач.

Не может рассматриваться как элитарность и примитивное лидерство, в том числе, лидерство в группе. Так, в волчьей стае тоже есть вожак и есть определённая внутренняя структура, однако же никто не пытается доказать существование у волков классового общества.

С другой стороны, человек вполне может обходиться без государства и правительства, вообще без каких-либо структур власти. Это весьма наглядно показывает пример внутренней организации общества раннесредневековой Исландии.

Таким образом, мы снова, уже в третий раз возвращаемся к мысли о том, что социальной трансформации предшествовала трансформация духовная, вряд ли связанная с биологической эволюцией.

Почти по Марксу: базис и надстройка. Переходя, собственно, к анализу причин социального расслоения, обращение к основам неизбежно. Базис существования любого общества – стада антилоп или современного государства – средства существования, проще говоря, еда и различные материальные блага, позволяющие выжить. Нет средств существования – налицо кризис, голод и, в конечном счёте, гибель. Чтобы этого не допустить, необходимо иметь налаженную, отказоустойчивую систему, обеспечивающую общество всем необходимым.

Для первобытного человека, как и для любого животного, первичной и жизненно важной потребностью была потребность в пище, которую первоначально удовлетворяли собирательство и охота, а затем сельское хозяйство. Первое – экстенсивная модель экономики, поскольку

не производит ничего, а лишь потребляет уже готовое; второе – перспективный источник материального насыщения, поскольку позволяет получить в большом количестве любой продукт.

Собственно говоря, всё, что мы видим вокруг – самолёты, машины, компьютеры, высотные здания и прочие объекты материальной жизни – является не чем иным, как продуктом избыточного производства базовой экономики, то бишь сельского хозяйства. По сути, человечество стало производить такое количество избыточного, «лишнего» продовольствия, что это количество, составляющее несоизмеримо большую часть в отношении к реальным потребностям человека, позволило и позволяет содержать огромное число людей, не занятых непосредственно производством орудий труда и добыванием пищи. Эти люди обеспечили и обеспечивают стремительный рост человеческой цивилизации, создавая совершенно бесполезные с точки зрения биологического существа вещи и технологии.

Можно до бесконечности спорить о том, что появилось раньше – курица или яйцо, – но нам ситуация здесь видится следующим образом. Примитивное общество в принципе не может произвести избыточный продукт – это противоречит природе и здравому смыслу. Первобытный человек, как и любое животное, никогда не пытался добыть чрезмерное количество того, что можно съесть – да это при существующем способе добычи пищи вряд ли вообще было возможно. Первобытному человеку приходилось ежедневно и ежечасно решать актуальные проблемы выживания, чтобы не оказаться на грани голодной смерти. Если в какой-то момент и удавалось добыть пищи больше, чем обычно, она распределялась поровну между всеми членами общины. Это равноправие было прямым следствием стадного образа жизни – физически слабый относительно остальных представителей фауны человек мог выжить только в коллективе, при этом бесполезных людей в коллективе не было – такие просто погибали.

Лишних вещей – орудий труда или предметов обихода – в то время не было тоже. Накопление материальных благ, которые невозможно использовать – нонсенс, непостижимая глупость, и первобытное сознание проникнуто пониманием этого насквозь.

Однако среди одинаковых человечков появляется, в конечном счете, некто, который видит немного дальше, а может быть и гораздо дальше, чем его ограниченные соплеменники. Несвойственная остальным широта мышления позволяет ему оценить возможные перспективы появления избыточного продукта как для всей общины, так и для самого себя. Причём для самого себя в первую очередь. В конце концов, почему бы, если это в принципе возможно, не организовать производство так, чтобы его результат удвоить, половину оставив соплеменникам, а остальное заполучить в собственное распоряжение?

Однако сама по себе эта мысль не влечёт за собой никаких глобальных последствий – уровень отношений в общине не позволяет выйти за пределы дозволенного обычаем. Поэтому говорить о трансформации родоплеменных отношений в прообраз государственной системы абсолютно бесперспективно.

Родоплеменной строй – это такое же старье, как и «норманизм– антинорманизм». На современном уровне развития науки формирование ранних общественно-политических структур видится совсем по-другому. Основная граница проходит не по линии «догосударственное общество – государство», а по линии «простое общество – сложное общество». Простое общество – то, в котором уровень интеграции не выходит за пределы общин. Сложное – где появляются надобщинные институты управления. То есть, по сути, в простом обществе происходит взаимодействие на уровне индивидуумов, а в сложном – на уровне общественно-политических структур.

Известно большое количество моделей догосударственных и негосударственных сложных обществ. Наиболее широко распространенная – вождество, другая – племя, племенной союз. Правда с Европой все не так просто – модель вождества на европейском материале работает плохо. Но нет сомнений, что и в Европе, и в большей части обитаемого мира (за исключе-

нием отдельных полностью изолированных человеческих групп) эпоха простых обществ кончилась очень-очень давно.

Переход от простого общества к сложному сопряжен с рядом проблем, которые необходимо было решить. Чтобы перестроить систему производства таким образом, чтобы создать дополнительный, т.н. «прибавочный» продукт, недостаточно авторитета главы рода, лидера человеческой стаи – для этого необходимо неординарное, почти сверхъестественное влияние на соплеменников.

Все имеющиеся данные говорят, что интеллектуальный и экономический прорыв был революционным: на протяжении сотен тысяч лет высшие приматы изготавливали разнообразные инструменты, но разнообразие их было крайне невысоко. А главное, сама процедура изготовления этих инструментов и характер их изменений насчитывает крошечный сдвиг за сотни и тысячи поколений – примерно с такой же скоростью меняется структура птичьих гнезд. А потом, где-то порядка 150 тыс. лет тому назад, для палеонтолога почти что вдруг, почти внезапно, поскольку временная шкала глубокого разрешения, конечно, не дает, происходит настоящий интеллектуальный взрыв – на смену пяти изделиям приходит пятьдесят, возникают первые социальные институты, появляются упорядоченные захоронения со следами особых похоронных обрядов…

Последнее особенно интересно, ведь выходит, что разум и религиозность появляются практически одновременно, словно две стороны одной медали. Да и, посмотрите на это с другой стороны – примеров нерелигиозных культур нам тоже в принципе не известно.

Мистическая природа власти и социального неравенства находит отражение в мировоззрении всех народов. Божественное происхождение власти фараонов и римских цезарей, длинноволосых франкских вождей и скандинавских конунгов[7], китайских императоров и ханов Золотой Орды – всё это свидетельствует о перманентной вере в избранность отдельных людей, получивших скипетр и корону из рук божества.

Эти верования возникли однозначно не на пустом месте, хотя, конечно, в последствии усиленно поддерживались и культивировались правящими кланами. Можно предполагать, что малое число людей, получивших власть над остальными, действительно отличались незаурядными способностями от среднестатистического члена общины, во многие разы превосходя его своими качествами. Эти различия порождали благоговение и страх в толпе человекоподобных, что позволяло одному человеку руководить ими, направлять их и заставлять делать всё, что ему заблагорассудится.

Первоначальная – и единственно возможная – модель раннеиерархического общества состоит во взаимодействии массы и индивидуума, стоящего рядом с ней, как бы вне этой массы. Именно рядом, а не над, потому что на тот момент уровень взаимоотношений не перешёл в плоскость «руководство – подчинение». Вся остальная социальная структура – вторична, она появляется много позже.

Усложнение внутренней жизни общества ведёт к возникновению и развитию всё более сложной системы управления. Если в небольшой группе людей лидер может существовать сам по себе как самодостаточная сила, то с развитием внутренней социальной структуры и межобщинной интеграции у него возникает потребность в помощниках. По мере усложнения системы производства и управления, а также ростом численности членов общины помощников требуется всё больше.

Так образуется немногочисленная каста избранных, сгруппированная вокруг лидера. Сначала в ней нет чёткого разделения функций, но в целом основополагающей тенденцией является то, что эта группа уже не участвует в производственном труде – она живёт за счёт

[7] Первоначально конунг – племенной вождь у скандинавов, как правило, возводивший свою родословную к потомкам богов; впоследствии то же самое, что и король.

прибавочного продукта, который обеспечивает её существование. И именно с этого момента начинается мощный виток развития религии и её производных – науки и культуры, что было абсолютно невозможным ранее.

2. Заклинатели духов, изгои и воины-звери

Путь Змеи, или В начале было Слово

Горе Израилевым пастырям, которые пасут самих себя! Разве не отару должны пасти пастыри?

Иезекииль 34:2

Духи. С тех пор как появились слово и мысль, человек начал задаваться вопросом о смысле жизни. Об истоках мира и силах, действующих в нем, о том, как избавиться от страданий и бед, в чем причинах удач и неудач, о том, как, наконец, обрести то состояние духа, которое называется «счастьем»[8].

Основой Знания изначально была магия.

Магия вообще не имеет персонифицированного источника среди богов – это свойство самого Мира, составляющие его Силы, и эти разного типа энергии как раз и представляют архетипы различных богов…

Магия породила два антагонистичных и ущербных по своей сути пути познания мира – религию и науку. И то, и другое являются лишь слепым подражанием, особой формой мимезиса, копирующей магические действия древних, но совершенно лишённой способности проникнуть за границу непознанного в силу внутренней ограниченности и догматичности мировосприятия.

Религия лишь тупо повторяет заученные и выхолощенные ритуалы, совершенно не вникая в их содержание. Поднимая на щит слепую веру, она отвергает познание как таковое, абсолютизирует форму, которая полностью заслоняет собою суть. Показательны в этом отношении слова Мартина Лютера: «Разум есть величайший враг веры; он не является помощником в делах духовных и часто борется против божественного Слова, встречая всё, что исходит от господа с презрением.» Зрелая религия впадает в крайний формализм, чему пример – современное христианство, выродившееся в чистую обрядность, за которой не стоит ничего, кроме слепого следования догмам.

Наука же, на словах отвергая не подтверждённую опытом веру, с головой погрузилась в рационализации, породив при этом массу новых догматов, подчас не менее абсурдных, чем те, которые выдвигает религия. Утратив своё первоначальное предназначение, современная наука ушла от эмпирического познания мира в голую теоретику. Учёные мужи, на разный манер повторяя одни и те же заученные фразы, занимаются изощрённым словоблудием, не приносящим ничего нового.

Современный мир – рационально-практический, связанный по рукам и ногам материалистическим мировоззрением, полностью отрёкшийся от своей духовной природы, давно утратил связь с истоками. В нём не осталось ничего от прежнего одухотворённого мира.

К мысли о том, что коллективные и индивидуальные представления древнего человека были всецело иррациональными, мистическими в своё время пришли многие этнографы. И только возобладавшая, в конечном счёте, материалистическая идеология отодвинула на задний план эти убеждения.

Мир первобытного человека – мир магии, мир, одухотворённый настолько, что живыми считаются не только деревья и травы, но и холодные серые камни.

---

[8] Мысль о том, что единственным смыслом жизни является стремление испытать эйфорическое состояние, тождественное понятию «счастье», подробно рассмотрена автором в работе «В поисках смысла».

Г. Джонс, занимавшийся исследованием верований в Корее, пишет: «Духи занимают все небо и каждую пядь земли. Они подстерегают человека на дорогах, среди деревьев, в горах, в долинах, в речках и ручьях. Они неустанно следят за ним днем и ночью… Даже в собственном доме человек не находит убежища от духов: они и здесь повсюду, они засели в штукатурке стен, повисли на балках, прилепились к перегородкам!»

Сродни этому японский синтоизм – всё, происходящее в мире, обусловлено не судьбой или законами бытия, а индивидуальной волей отдельных ками – духов, населяющих окружающую природу.

Мир иррационален, наполнен таинственными знаками, символами, голосами, пугающе непонятен и при этом как бы наделён мистическими чертами надприродного сверхсущества. Человек в этом мире не венец творения, а всего лишь часть космоса, ничуть не более выдающаяся, чем все другие представители животного и даже растительного мира. Облик человека – лишь оболочка, которую можно сменить: отсюда рассказы о людях, превращающихся в медведя, рыбу, оленя, птицу, морского зверя или ведущих свое происхождение от них.

Одухотворённый мир порождает разного рода страхи, перерастающие в фобии. Боязнь темноты – это не страх перед затаившимся в ней хищником, водобоязнь – это не страх утонуть. Страх смерти вовсе не инстинктивная животная боязнь умереть, проистекающая из примитивного инстинкта самосохранения. Страх смерти, вообще страх отличает человека от животных. Заяц, убегая от волка, не боится смерти – его гонят инстинкты, подсказывая, что если волк его всё-таки догонит, случится нечто нехорошее. Животные не осознают смерть как таковую. Они не хоронят своих мёртвых, не совершают погребальных обрядов, вообще они не задумываются о смерти – думать о смерти, будучи живым, присуще исключительно человеку.

Человеческие страхи – это, прежде всего, страхи перед неизвестным, боязнь увидеть что-то настолько ужасное, что от одной мысли об этом кровь стынет в жилах. Страх встречи с запредельным миром – вот истинная причина душевного смятения любого человеческого существа.

Все, что нас окружает – леса, поля, горы, реки, озера, отдельные деревья и даже камни, – населено духами, способными помочь человеку, если их об этом попросить, совершив соответствующий обряд. И они же могут навредить, если о них забывают, если случайно или намеренно оскорбляют их.

Мир познаётся путём общения с духами. Магия при этом выступает посредником между человеком и инфернальным миром. Магический опыт имеет две стороны: «вслушивание» в вызовы потустороннего мира и «отвечание» на них. При этом, если знамение есть послание «оттуда», то магический акт – ответное отправление; и наоборот – магическое действо, в частности жертвование, может быть обращением к запредельному с целью получения некоего блага взамен, тогда знамение – это ответ извне, нуждающийся в толковании.

Наиболее восприимчивы к голосам извне те, кто испытывает потребность творить, воплощая в реальном мире то, что приходит из области ирреального в виде символов и образов. Первоначально, надо полагать, общение с запредельным было свойственно всякому, не являясь исключительным даром некой группы избранных, однако обыденное сознание, сфокусированное на повседневных проблемах, не может концентрироваться на соприкосновении с космосом. Окружающий мир диктует свои условия, и большая часть людей в конечном счёте утрачивает связь с сакральным. Причастность к запредельному начинает рассматриваться с течением времени как ненормальность; с ней борются – сначала с помощью религии («охота на ведьм»), а потом и посредством сумасшедших домов.

Мудрость говорит: прислушайся к голосу сердца своего; глупость речёт: пусть разум твой ведёт тебя. Эти два разнонаправленных пути – проклятие человечества, порождающее внутреннюю борьбу противоречивых устремлений и разнородных мотивов. Первому свойственна излишняя эмоциональность, преобладание духовно– чувственного начала, действие по наи-

тию; второму – рационалистическое осмысление принятия решений, превосходство здравого смысла над иррациональными порывами.

Однако первоначальный человеческий опыт – источник первых знаний о мире – родился не из абстрактных логических рассуждений, а, скорее, возник путём чувственного восприятия. Чувствовать важнее, чем понимать. Воображение важнее, чем знание.

Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu – нет ничего в интеллекте, чего раньше не было бы в ощущениях, основной тезис сенсуализма. Вы можете сколько угодно твердить ребёнку, что нельзя прикасаться к огню, потому что это чревато негативными последствиями – он вам всё равно не поверит, до тех пор, пока сам не испытает этого на собственной шкуре.

Разум по своей сути вторичен, он лишь перерабатывает имеющуюся информацию, делает заключения и расставляет приоритеты, шаблонизируя и упрощая действительность.

Разум практичен. Если чувственному мировосприятию более свойственна вера и проистекающий из неё фанатизм, то интеллекту присуща меркантильность взглядов и суждений, зацикленость на материальных проблемах повседневности и неприятие всего того, что лежит в иррациональном поле. Уход от одухотворённости и мистического мировосприятия порождает подлинный переворот в сознании. Теперь несоответствие общепринятым разумным нормам воспринимается как маргинальность, нежелание мыслить рационалистически – как психическое отклонение, а способность общаться с запредельными силами – как божественный дар.

Как уже говорилось, первоначально магический ритуал не являлся чем-либо непостижимым, недоступным для большинства членов общины – наоборот, всякий мог общаться с духами по мере потребности. В этом смысле первобытное равенство отражалось в фактическом отсутствии касты избранных, посвящённых в тайны сакрального – прикоснуться к запредельному мог, в сущности, каждый. Магические обряды аборигенов Австралии и прочих туземных племён, чей уровень развития не продвинулся дальше неолита, более коллективны, чем индивидуальны.

Собственно говоря, подобное духовное единство общины пытались возродить различные протестантские направления в христианстве в противовес рафинированной церковной иерархии, достигшей высшей степени кристаллизации в период позднего Средневековья.

С другой стороны, узурпация функций отправления культа обособленной группой жрецов, свойственная зрелому обществу, является продуктом возвышения элитарных групп и совершенно не соответствует духу первобытного коллективизма.

Хотя общение с духами и является всеобщим достоянием, общество, всё более озабоченное проблемами выживания, которые становятся всё острее по мере роста населения, нуждается в посреднике между человеком и инфернальным миром. Некоторые члены общины вероятно более восприимчивы к сигналам извне, чем их менее одухотворённые собратья. На фоне всеобщего внутреннего однообразия они должны были выделяться – своей необычностью, экстатичностью поведения, склонностью к впадению в особые изменённые состояния, недоступные большинству. Исключительность этих людей делает их особенными в глазах общины. Так появляется новый тип человеческой сущности, известный сегодня большинству под именем шамана.

Говорящие с духами. Советское религиоведение, опиравшееся на марксистскую теорию последовательности этапов развития религиозных взглядов, так и не смогло втиснуть в прокрустово ложе «единственно верного учения» шаманизм[9]. Причина тому то, что по своей сути шаманство вообще не является разновидностью религиозного учения – оно даже не предшественник религии, а, скорее, её предпосылка, мистическая первооснова. Шаманизм по праву является прародителем любой ныне существующей религии. Кроме того, любой совре-

[9] См. Г. Луговский. «Сатанизм и шаманство»

менный религиозный обряд в той или иной степени уходит своими корнями в техники древних шаманов.

Между религией и шаманизмом есть существенное различие. Человек религиозный говорит: «Верую!» Человек «шаманствующий» – совсем иное: «Знаю!» Как пишет исследователь шаманизма, англичанин Кеннет Медоуз: «…понятие истины у религиозного человека основано на вере в слова… Понятие истины у шамана основано на личном опыте. К примеру, религиозный человек верит в существование царств за пределами физического бытия… Шаман же знает об их существовании, поскольку сам воспринимал их в измененном состоянии сознания и общался с населяющими эти царства духами. В шаманизме вы просто делаете что-то, чтобы узнать; знание приходит через действие. Не нужно принимать систему убеждений, прежде чем двигаться дальше; не нужно связывать себя догмами и символами веры; не нужно изучать и почитать священные писания; не нужно подчиняться жесткой иерархии; не нужно приносить клятв и обетов». Шаман, как ребенок, открыт знаниям – всем без исключения, и вот почему адепты называют шаманов «универсальными гениями».

В древних сообществах – идет ли речь о Сибири, Африке, Австралии или обеих Америках – шаманы играли исключительную роль: ни одно начинание не обходилось без их участия и одобрения. Они лечили, предсказывали будущее и погоду, определяли дни свадеб и похорон, решали, где сеять хлеб, и даже служили переводчиками в общении с соседними племенами. Кроме того, шаманы стояли и у истоков искусств. Шаман-поэт складывал заклинания-стихи. Шаман-музыкант придумывал к ним мелодии. Шаман-скульптор вырезал из дерева, камня или кости идолов…

Современное знание определяет шаманство как мировоззрение, связанное с верой в способность служителей культа быть посредником между людьми и духами (шаман в переводе с эвенкского – «исступленный»). При этом шаман отличается от традиционного языческого жреца тем, что вступает в более полный контакт с запредельными силами: он не только принимает послания божеств, но и поддерживает с ними постоянный диалог, отвечая им на равных.

Известный советский этнограф и религиовед С. А. Токарев в своей работе «Ранние формы религии» определяет шаманизм как «особую форму религии, состоящую в выделении в обществе определённых лиц – шаманов, которым приписывается способность путём искусственного приведения себя в экстатическое состояние вступать в непосредственное общение с духами». Интересна точка зрения Е. В. Ревуненковой, которая считает, что «шаманизм – это особая система мировоззрения, включающая в себя элементы рационального, иррационального и художественно-образного познания мира, выражающаяся в представлении о возможности реального общения между тремя космическими зонами вселенной, которое осуществляется особым лицом путём специального ритуала, и удовлетворяющая самые разнообразные потребности данного коллектива людей (социально-психологические, эмоциональные, эстетические и др.)». Шаманизм не создаёт какой-либо системы верований, что дает возможность практически безграничного развития человека, вплоть до познания им сути самых основ Мироздания, без актов веры или слепого поклонения чему бы то ни было. Шаманизму не присущи молитвы и мольбы, поскольку слова носят чисто действенный характер. Шаман не просит, а добивается принадлежащего ему по праву.

Данные археологии и этнографии свидетельствуют, что шаманизм существует уже от 20 до 30 тысяч лет, однако не исключено, что на самом деле он еще старше и появился на свет одновременно с человечеством. Действительно, согласно М. Элиаде ничто не подтверждает предположения о том, что в течение сотен тысяч лет, предшествовавших раннему каменному веку, человечество не жило такой же интенсивной и разнообразной религиозной жизнью, какой оно жило в последующие периоды.

Следы шаманизма обнаружены во всем мире, включая очень удаленные части обеих Америк, Сибирь, Азию, Австралию, северную Европу и Африку. Пока нет данных, определенно

говорящих о том, что народы, жившие в Западной Европе, в частности во Франции, знали шаманизм. Но и это не исключено. Потому что именно во Франции, в бассейне реки Гаронны, в начале XX века была открыта пещера «Трех братьев» (Труа-Фрер), на стенах которой среди изображений, датируемых верхним палеолитом (40-10 тысяч лет до Р. Х.), находится самое раннее из известных в истории изображение шамана – фигура пляшущего человека с накинутой на плечи шкурой, с рогами оленя на голове и конским хвостом. Похожие изображения часто встречаются и в Азии, и в Африке, но французское, из пещеры «Трех братьев», самое раннее.

Удивительное сходство шаманов далеких друг от друга частей света порождает вопрос о том, как это сходство стало возможным. Одно из вероятных объяснений – его спонтанное возникновение в различных регионах, продиктованное, очевидно, насущными общественными потребностями или присущими всем людям внутренними тенденциями. С исчезновением шамана как такового его место занимают разнообразные специалисты, берущие на себя одну из множества шаманских ролей. Таким образом, вместо шаманов появляются целители, священники, медиумы, колдуны. Они специализируются соответственно в медицинских и ритуальных практиках, черной магии и общении с духами. Аналогией в современном западном обществе является исчезновение врача широкого профиля и появление медиков узкой специализации.

Интересно сравнить некоторых из этих древних специалистов с их предшественником – шаманом, специалистом широкого профиля. Священники появляются как представители организованной религии и часто выступают в роли религиозных, духовных и даже политических лидеров. Они совершают обряды и церемонии, молятся и стремятся умилостивить духовные силы ради блага себя и своего общества. Но, в отличие от своих предшественников шаманов, они почти не знакомы с измененными состояниями и не обучены им.

Если священники наследуют социально значимые магические и религиозные роли шаманов, то с темными силами управляются люди, известные как колдуны и ведьмы. Колдуны и ведьмы – это специалисты по черной магии. Поэтому их боятся, ненавидят и преследуют.

Медиумы – это специалисты по общению с духами. Они тоже входят в измененные состояния, в которых ощущают себя получающими послания из мира духов, однако их деятельность является узконаправленной, односторонней – они лишь вслушиваются голоса иного мира и передают их простым смертным, но совершенно лишены способности отвечать и, тем более, не в состоянии оказывать воздействие на инфернальные силы.

Общение шамана с духами – камлание – происходит в состоянии транса. Этот французский термин трактуется как помрачение сознания, отрешенность, самогипноз. Часто для описания состояния, в котором находится шаман, используют и другой термин – экстаз – греческое слово, означающее исступление, воодушевление, особое состояние, присущее поэтам и провидцам.

Наверное, каждый очевидец шаманского камлания, бывает поражен увиденным. Запоминается костюм шамана, увешанный металлическими изображениями зверей и птиц, головной убор, увенчанный настоящими рогами или их металлическим подобием; на лице – повязка с бахромой, прикрывающая глаза. Обтянутый кожей бубен с рисунками, металлическими подвесками или без них. С его помощью шаман постепенно приводит себя в транс. Под нарастающую дробь он кружится, выкрикивает какие-то непонятные слова, вызывая дрожь, а то и страх у присутствующих. Те, кто наблюдал поведение шамана во время камлания, отмечают такие явления, как конвульсии, выпученные глаза, пену у рта, обмороки, припадки. Добавьте к этой картине полумрак закрытой юрты или яранги, тлеющий в центре жилья очаг, и вы прочувствуете состояние участника камлания, поймете, что такое зрелище не забудешь.

На основании таких свидетельств многие считали шаманов психически больными людьми. В действительности, камлание часто напоминает эпилептический припадок.

Чтобы добиться состояния транса, шаман использует самовнушение, концентрирует волю, мобилизует психические и физические силы. Несомненно, важную роль при этом играет бубен, из которого шаман с помощью колотушки извлекает различные звуки. Часто еще и напевает в такт. У некоторых народов шаманы принимают различные средства, способствующие наступлению транса. У индейцев Южной Америки – это кактус пейоте, у коренного населения Северной Евразии – мухомор. Однако употребление галлюциногенов – признак недостаточной силы духа. Настоящий шаман может в любой момент без помощи снадобий войти в изменённое состояние, пользуясь только своими способностями. Потому-то поведение шамана может показаться приступом шизофрении, истерикой, эпилептическим припадком.

Однако ни шизофреники, ни истерики, ни больные эпилепсией никогда не могут контролировать себя. Шаманы же не только абсолютно осознанно «путешествуют» в мир ирреального, но и помнят все, возвращаясь назад. Во время транса шаман, как правило, не теряет связь с теми, кто присутствует на сеансе. По ходу дела он нередко поясняет, где в данный момент находится и что видит.

Таким образом, шаман ненормален с точки зрения обычного человека, однако является ли его ненормальность следствием изменённой психики или же это добровольное «сумасшествие»? Откуда берётся шаман, каким образом он становится посредником между людьми и потусторонним миром? Считается, что свой особый дар шаман обычно наследует от предков. В одних культурах считается, что шаманские знания могут открыться каждому. В других бытует убеждение: будущий шаман от рождения имеет какую-то метку – огромное родимое пятно, лишний палец и т.п. Это знак, что его душа еще до своего воплощения на земле общалась с духами.

При этом дар может открыться и в детстве (бывают семилетние шаманы), и в довольно зрелом возрасте.

Кроме того, шаман обязательно должен быть избран духами. Духи предков или духи, населяющие окрестные горы, перевалы, леса, озера, реки, как бы избирают конкретного человека посредником между ними – духами, и людьми. И когда у людей возникают какие-то трудности, (болезнь, пропажа имущества, смерть близкого человека, а порою и просто какие-либо непонятные явления) или, напротив, у духов появляются претензии к людям (редко вспоминают, произвели беспорядок в местах обитания духов, не приносят им положенные жертвы) – во всех подобных случаях шаман выступает в качестве посредника, заставляя людей и упрашивая духов сделать то, что положено.

Сначала избранник духов начинает слышать голоса – тут уместно вспомнить, например, Мухаммеда, чья деятельность в качестве основоположника ислама началась с общения с архангелом Джабраилом или Моисея, говорившего на горе Синай с пылающим кустом. Голоса эти выступают как руководство к действию, как повеление свыше. Потом он начинает следовать этим указаниям. Призванный духами человек не вправе свернуть с указанного ему пути. Отказ от шаманского дара грозит сумасшествием или смертью. И в любой день, в любой час, неважно, хочет он того или нет, шаман должен камлать по первому зову – людей ли, духов ли. Должен служить тем и другим одновременно, ведь он – связующее звено между ними. Но прежде, чем человек обретет шаманскую силу, заставляющую и людей и духов слушаться его, он проходит обряд инициации (испытания и посвящения). Обряд довольно мучительный, длящийся от нескольких месяцев до нескольких лет. Внешне все проявляется в форме совершения поступков, непонятных прочим людям, нередко наводящих на мысли о психическом нездоровье человека.

Существует даже специальный термин – «шаманская болезнь». Это когда духи требуют от «избранного» ими человека согласия стать шаманом, а тот не хочет, сопротивляется. В ответ духи «ломают» его, угрожают, что нашлют болезнь или даже смерть на него, на его родных. А человек отказывается принять дар потому, что понимает, что, взяв на себя роль посредника

между миром людей и миром духов, он уже не будет принадлежать себе. На него ложится тяжелая ответственность перед духами за людей, за их слабости и поступки. Он должен способствовать благосостоянию своих сородичей, оберегать их от бед, бескорыстно помогать каждому, кто нуждается в помощи.

Как только тот, кого называют избранником духов, соглашается стать шаманом, «шаманская болезнь» быстро проходит. Начинающий шаман, руководимый духами, а часто и вполне земным учителем – другим, более опытным шаманом, – начинает постепенно набирать опыт и становится все большим и большим профессионалом в шаманской практике.

Блуждания разума. Первобытнообщинный строй не случайно называют первобытным коммунизмом. Наши далекие предки работали и жили сообща. Они не знали разделения труда и противопоставления труду физическому труда умственного. В первобытном обществе не имелось сколько-нибудь существенных знаний, которые не были бы общим достоянием, поскольку от этого в прямом смысле зависело выживание всего человеческого стада. Все люди в равной степени имели доступ к полезной информации. Если кому-то приходила в голову идея, как лучше загнать мамонта в ловушку, открытие опробовалось и использовалось всеми. В условиях неизбежных лишений, голодовок, постоянной угрозы смерти нельзя было допустить, чтобы в ряды охотников затесался неспособный или ущербный, не знакомый с передовыми охотничьими технологиями человек. Такие, как правило, просто умирали, не достигнув зрелого возраста.

Однако, тем не менее, на границе перехода от обезьяночеловека к человеку разумному в человеческом стаде появляются особенные люди, стоящие как бы в стороне от остальных. Они не участвовали в добывании пищи, строительстве жилищ и прочей совместной деятельности, но, тем не менее, благополучно доживали до глубокой старости. Как им это удавалось? Почему их кормили? Почему на них работали?

Шаманизм родился из свойств человеческой психики и естественных потребностей первобытного общества. Первобытные люди нуждались в гарантиях удачной охоты, хорошего урожая, и такие гарантии мог предоставить только тот, кто может на равных говорить с духами. Тот, кто знает о тайнах окружающего мира больше остальных.

Представьте себе условия жизни и быт древнего человека. Небольшая группа людей, человеческое стадо, объединённое потребностью выжить в полной опасностей постледниковой тундре или дебрях непроходимого леса. Чтобы не погибнуть, первобытным охотникам, как и всем людям во все времена, нужна была целостная картина окружающего мира, которая позволяла бы объяснять то, что в нём происходит.

Древние люди внимательно наблюдали природу. Они пытались выяснить, какие причины вызывают те или иные события. Люди прослеживали и устанавливали причинные связи. Чтобы добиться того или иного результата, человек должен был совершить ряд последовательных действий. На это указывал жизненный опыт. Распространяя этот опыт на природные явления, человек как бы понимал, что и они возникают в результате чьих-то действий: кто-то заставляет расти деревья, кто-то устраивает камнепады в горах, затягивает неосторожного охотника в болото и т.д. Так возникли первые представления об устройстве вселенной. Вера в духов появилась как единственно возможное в первобытном мире объяснение действительности. Она служила чем-то вроде средства познания и освоения мира, таким же, коим является современная наука.

Как пишет В. Турчин, так как первобытный человек не умеет делать свои представления объектом анализа, они образуют своего рода мусорную кучу. Пополняется эта куча легко, но вот расчисткой ее никто не занимается. И чем дальше, тем больше она становится, тем сложнее найти в ней рациональное звено. И вот здесь самое время появиться человеку, который в силу своих способностей сможет выполнить важную миссию – упорядочит эти представления и, самое главное, научится их правильно использовать.

«Божий дар» имел место быть, иначе такие люди никогда бы не появились, и человечество никогда не вышло бы из полуживотного состояния. В данном случае под «божьим даром» следует понимать радикальное изменение поведенческой модели отдельной человеческой особи. Как это произошло и почему – никто не возьмется сказать. Теории, конечно, есть, но только теории. Объяснить, почему вдруг одна обезьяна в племени начала мыть фрукты, спустя некоторое время вся молодежь, а пару поколений спустя и все племя стало делать то же самое – мы и то не можем. Понять же причины более сложных изменений и подавно. Поэтому объяснение может иметь только иррациональную основу – спонтанную психическую мутацию, по сути своей чудо.

«Белые вороны» периодически рождаются всюду – у бабочек и тараканов, кротов и землероек, а также среди прочей живности, но, как правило, век их недолог, потому что их выживание противоречит всем мыслимым законам природы. При этом отклонение от нормы неизбежно воспринимается как аномалия, проявление ущербности, маргинальности в конце концов. Очевидно, что отклонения от поведенческих норм, то есть психические отклонения, существуют и у животных, хотя не так ярко выражены.

Психические отклонения человека проявляются гораздо более наглядно в виду более сложной психической организации. Вероятно, такие отклонения возникали у отдельных человеческих особей и проявлялись в виде неадекватных форм поведения – в то время, как остальные члены племени занимались добыванием пищи, эти люди совершали непонятные действия, чертили на песке странные фигуры, издавали странные звуки, в общем, демонстрировали, как сказали бы сегодня, очевидное расстройство психики. Такие особи в условиях дикой природы выжить не должны были в принципе, так как не могли себя прокормить, однако некоторые из них всё-таки выживали. Попытаемся объяснить почему.

Поведенческая модель древнего человека мало чем отличалась от поведения высших животных. Однако психическая и интеллектуальная эволюция привели к тому, что человек стал смотреть на мир несколько по-другому, не так, как другие животные. Выше мы уже писали о восприятии древним человеком причинно-следственных связей в окружающем мире, и в этой картине мира психические аномалии отдельных людей также находили своё естественное объяснение. Ещё пару столетий назад психически больные люди воспринимались как одержимые некими запредельными силами – бесами, духами и т.п. Само слово «сумасшедший» во многих языках буквально означает одержимый, находящийся во власти потусторонних сил или богов (ср. укр. "божевільний", то есть буквально – "в божьей воле").

Показательно отношение к т.н. «юродивым» на Руси, описанное и в художественной и в научной литературе. Примечательно, что нередко подобным было отношение и к людям искусства – поэтам, художникам, певцам и т.д., а также к философам и учёным.

То есть на протяжении веков присутствует очевидная тенденция, которую не смогло искоренить из человеческого сознания даже всемогущее просвещение.

Когда в человеческом стаде появлялся свой «сумасшедший», очевидно, он должен был оказаться в положении изгоя. С одной стороны, чудаковатость поведения воспринималась как ненормальность, а с другой вызывала вполне естественные опасения, потому что всё незнакомое и непонятное порождает страх. Особенно если человек начинал демонстрировать странности поведения вследствие какой-либо нестандартной ситуации – например, выживал в условиях, когда должен был погибнуть (во время катаклизма, несчастного случая, нападения животного и т.п.), что, конечно, может быть объяснено пережитым потрясением, однако это очевидно для современного человека и совершенно неочевидно для человека первобытного.

Вероятно, от психически неадекватных и бесполезных для общества особей старались избавиться – выгоняли в лес или даже пытались убить, сбросив со скалы или умертвить каким-либо иным способом. Когда же при этом в силу счастливого стечения обстоятельств человек

возвращался обратно живым и невредимым, это неизбежно вселяло суеверный страх в его соплеменников.

Примечательно, что практически неотъемлемым элементом шаманской инициации является ритуальное «умирание» и последующее воскрешение. Кстати, этот ритуал был распространён весьма широко, и имел отношение, например, к обрядам посвящения в воины. Вероятно, он как бы повторяет нечто, бывшее в реальности, то, о чём мы говорили выше.

Страх, несомненно, один из главнейших факторов в данном случае. Исходя из специфики первобытного мировосприятия, следует полагать, что такие люди должны были рассматриваться как «спасённые духами» или «избранные духами» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если же они ещё и общались с духами, видели их, слышали их голоса, то страх был просто неизбежен. Именно этому первобытному страху обязан своим появлением первый шаман.

Эволюция шаманизма начинается, очевидно, со случайных совпадений, стечений обстоятельств, в которых люди, имеющие определённые психологические предпосылки стать непохожими на остальных, проявляли себя неожиданным и необычным для соплеменников образом. Это позволило шаману занять обособленное положение в примитивном человеческом обществе, и именно это было первым примером нарождающегося социального неравенства. Усвоив и приняв мысль, что отдельный член общины владеет некими способностями, благодаря покровительству со стороны духов, люди подготовили почву для будущего расслоения общества на тех, кто управляет и тех, кем управляют. Возник прецедент, когда отдельная личность, шаман, завладела чем-то важным, необходимым всему племени и тем самым возвысилась над прочими людьми, противопоставила себя первобытной коммуне.

Шаман был первым человеком, полностью освобождённым от производственного труда. Соплеменники, считавшие его избранником духов, очевидно, должны были поддерживать его существование хотя бы из страха этих самых духов прогневить. Вероятно, шаман также потреблял жертвенную пищу, предназначенную для духов.

Получив свободу, шаман вместе с ней получил возможность постигать мир, поскольку, в отличие от своих озабоченных добычей пропитания соплеменников, имел на это достаточно времени. Несомненно, такие люди сами по себе должны были отличаться от остальных умственными способностями, и развитие этих способностей позволило им превзойти всех остальных членов племени в интеллектуальном плане.

Разумеется, что определённые знания накапливались в человеческом обществе веками. Древние люди знали свойства трав, особенности поведения животных, причуды погоды, однако только шаман имел время и возможность эти знания систематизировать и обобщить. Более того – он постоянно получает новые знания, наблюдая за природой.

Обособившись, шаманство стало развиваться своим собственным, самобытным путем, по сути, присвоив себе исключительное право на познание окружающего мира. Шаман фактически узурпировал до сих пор являвшееся общим достоянием Знание, а вместе с ним монопольное право на его использование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.